На правах рукописи

Тимофеев Иван Николаевич

**Политическая идентичность России в постсоветский
период: альтернативы и тенденции**

Специальность 23.00.02.

**Политические институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии (политические науки)**

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук**

Москва - 2006

Диссертация выполнена на Кафедре политической теории Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России.

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Алексеева Татьяна Александровна.

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Кулинченко Виктор Андреевич.

доктор политических наук, профессор
Малахов Владимир Сергеевич.

Ведущая организация: Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
Кафедра политического анализа.

Защита состоится «5» 10 2006 г. в 14⁰⁰ часов на заседании Диссертационного
совета Д.209.002.02 по политическим наукам в Московском государственном
институте международных отношений (Университете) МИД России.

Адрес: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке МГИМО (Университета)
МИД России.

Автореферат разослан 4.09. 2006 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

кандидат философских наук, доцент
А.А. Чанышев

I. Общая характеристика работы

Актуальность исследования.

Формирование политической идентичности представляет собой один из ключевых вызовов для стран демократического транзита. Этот вызов – особенно актуален для России, чье общество даже после распада СССР остается достаточно разнородным не только в этно-конфессиональном и культурном отношении, но и с точки зрения развитости территорий, их политического устройства, экономического и социального потенциала. В постсоветский период потребность в обретении новых политических принципов, интегрирующих разнородное российское общество в рамках единой концепции нации и государства, поставила социум перед необходимостью формирования новой политической идентичности страны.

С другой стороны, эта потребность диктовалась глобальными изменениями последних 20 лет. После распада СССР Россия столкнулась с необходимостью по-новому сформулировать видение своей роли и места в мире, переосмыслить базовые принципы своих отношений с внешней средой в условиях изменений конфигурации ее границ. Проблему формирования политической идентичности делали актуальной также и радикальные изменения политической системы страны: на повестку дня выходит вопрос о степени и основаниях преемственности между Россией и ее историческими предшественниками – СССР и Россией дореволюционного периода. Интегрированность нового общества и его видение себя в мире тесно взаимосвязаны с внутренним консенсусом относительно прошлого страны и ее политических традиций.

Подобная ситуация включает в себе комплекс исследовательских вопросов и проблем. Каковы основные тенденции формирования политической идентичности России? В логике каких альтернатив формируются эти тенденции? Способствуют ли эти тенденции функционированию России как интегрированного и целостного государства, а также – как значимого актора международных отношений?

Актуальность ответов на эти вопросы обуславливается как необходимостью в критической рефлексии относительно процессов формирования политической идентичности, которые еще не завершились, так и в потребности преодоления складывающихся в ряде зарубежных и российских источников стереотипов относительно новой российской идентичности. В международном научном сообществе, сложился достаточно устойчивый стереотип, в соответствии с которым политическая идентичность России изучается в логике оппозиций «демократия-авторитаризм»,

«право-порядок», «либерализм-национализм» и т.п. В качестве носителей политической идентичности нередко рассматриваются политические партии, движения или силы, делающие в своих программах акцент на те или иные стороны указанных оппозиций, а преобладание этих сил определяется как индикатор формирования в стране той или иной политической идентичности. Попытка опровергнуть этот стереотип, рассмотреть политическую идентичность как совокупность представлений, являющихся основанием общности всех граждан страны, имеющих более фундаментальный и длительный характер, нежели представления, формируемые электоральными циклами или политическими кампаниями, также определяет актуальность темы.

С методологической точки зрения, актуальность исследования заключается в том, что поставленные вопросы нельзя осмыслить исключительно в рамках эмпирических политических теорий или теорий среднего уровня. Проблема требует новых подходов с точки зрения нормативной политической теории применительно к изучению российской политической практики. В качестве разработки таких подходов особую актуальность приобретает использование концептов критической теории международных отношений для исследования российской политической идентичности. В рамках критической теории МО именно понятие идентичности выступает центральным концептом в объяснении политических процессов и функционирования политических институтов. Попытка использования понятийного аппарата критической теории определяет значимость темы с эпистемологической точки зрения.

Степень разработанности темы.

Степень разработанности проблематики исследования может быть представлена в рамках нескольких составляющих.

Основы эмпирического изучения феномена коллективной идентичности были заложены социологами, социальными психологами, антропологами, среди которых могут быть названы такие ученые как П. Бергер, Т. Лукман, Э.Эриксон, Ч.Х. Кули, Дж. Мид, Б. Малиновский, К. Леви-Стросс¹ и др.

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Academia центр, 1995; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Москва: Прогресс, 1996; Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. Москва: Дом интеллектуальной книги, 2000; Мид Дж. Интернализированные другие и самость. / Американская социологическая мысль. Под ред. В.И. Добренкова. Москва: Международный Университет Бизнеса и Управления, 1996; Малиновский Б. Научная теория культуры. Москва: ОГИ, 1999; Леви-Стросс К. Мифологики: сырое и приготовленное. Москва-Санкт-Петербург: Университетская книга, 1999.

К работам, которые формируют понятийный аппарат исследований политической идентичности применительно к нации-государству современного типа можно отнести труды Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Э. Гидденса, Э. Смита, Ч. Тейлора, Ч. Тилли, У. Кимлики, Ю. Хабермаса, М. Фуко² и др.

Среди современных зарубежных исследователей, в фокусе работ которых находится проблема политической идентичности в контексте различных международных и мировых процессов, следует отметить И. Ноймана, С. Хантингтона, А. Вендта, Д. Кэмпбела, А. Этциони, К. Коукера, И. Валлерстайна, Э. Балибара, Д. Биго,³ и др. Такие ученые как Г. Шопфлин, М. Мэртес, Т. Эриксен, Дж. Джиллис концентрируются на изучении политической идентичности тех или иных национальных государств.⁴ Среди исследователей идентичности с точки зрения политической и социальной философии могут быть названы Г. Люббе, С. Жижек, Б. Вальденфельс и др.⁵

К числу зарубежных исследователей, работающих над проблемой российской политической идентичности в постсоветский период, относятся В. Банс, Г. Гошулак, Л.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Канон-Пресс, 2001; Gellner E. Nationalism. London: Weidenfeld and Nicolson, 1997; Hobsbawm E. Inventing Traditions. / The Invention of Tradition. Edited by Hobsbawm E. and Terence R. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; Гидденс Э. Устроение общества. Москва: Академический проект, 2003; Смит Э. Национализм и модернизм. Москва: Практикс, 2004; Taylor, Ch. Democratic Exclusion (and its Remedies?). In A.C. Cairns. Citizenship, Democracy and Pluralism. Toronto: McGill University Press, 1999; Tilly Ch. Social Boundary Mechanisms. // Philosophy of the Social Sciences, Vol. 34, No 2, June 2004; Kymlicka W. Multicultural States and Intercultural Citizenship. // Theory and Research in Education. Sage Publications, Vol. 1 (2), 2003; Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии. // Логос. – 2003. – № 4-5; Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва: «Ad Marginem», 1999.

³ Нойман И. Использование другого. Москва: Новое издательство, 2004; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва: Издательство АСТ, 2003; Wendt, A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999; Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999; Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. Москва: «Ладомир», 2004; Коукер К. Сумерки Запада. Москва: Московская школа политических исследований, 2000; Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности. Москва: Логос-Альтера, 2003; Биго Д. Проблемы безопасности: теоретические дискуссии и институциональный контекст. / Международные отношения: социологические подходы. Под ред. П.А. Цыганкова. Москва: «Гардарика», 1998.

⁴ Schopflin G. Identities, Politics and Post-Communism in Central Europe. // Nations and Nationalism, No 9 (4), 2003; Мэртес М. Немецкие вопросы - европейские ответы. Москва: Московская школа политических исследований, 2001; Eriksen T.H. Place, Kinship and the Case for Non-Ethnic Nations. // Nations and Nationalism, No 10 (1/2), 2004; Jillis J.R. Commemorations: The Politics of National Identity. Princeton: Princeton University Press, 1994.

⁵ Люббе Г. Историческая идентичность. // Вопросы философии. – 1999. – № 4, 1999; Жижек С. Возвышенный объект идеологии. Москва: Художественный журнал, 1999; Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом». // Логос. – 1994. – № 6.

Брюнер, М. Феретти, Т. Зарицкий, Б. Форест, Р. и Дж. Зайда, И. Нойман, Э. Рингмар, Дж. Армстронг⁶ и др.

Диссертационное исследование в значительной степени опирается на разработки российских ученых. В рамках международного аспекта проблемы политической идентичности используются результаты исследований Т.А. Алексеевой, А.В. Торкунова, А.Ю. Мельвиля, А.Д. Богатурова, А.В. Шестопала, В.О. Печатнова, А.В. Картунова, С.В. Картунова, В.В. Картунова, А.М. Салмина, А.Г. Арбатова, Э.Я. Баталова, И.М. Бусыгиной⁷ и др. В этих исследованиях проблема российской политической идентичности раскрывается с точки зрения отношений России с зарубежными странами, ее роли и места в мире, а также – в рамках сравнительных исследований политической идентичности.

⁶Bunce V. The National Idea: Imperial Legacies and Post-Communist Pathways in Eastern Europe. // *East European Politics and Societies*, Vol.19, No 3, 2005; Goshulak G. Soviet and Post-Soviet: Challenges to the Study of Nation and State Building. // *Sage Publications*, Vol. 3(4), 2003; Bruner L.M. Rhetoric of the State: The Public Negotiation of Political Character in Germany, Russia and Quebec. // *National Identities*, Vol.2, No 2, 2000; Ferretti M. Memory Disorder. Russia and Stalinism. // *Russian Politics and Law*, Vol. 41, No 6, November-December 2003; Zarycki T. The Role of Russia in the Modern Polish National Identity. // *East European Policy and Societies*, Vol. 18, No 4, 2004; Forest B, Johnson J. Unraveling the Threads of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow. // *Annals of the Association of American Geographers*, No 93 (3), 2002; Zajda J., Zajda R. The Politics of Rewriting History: New History Textbooks and Curriculum Materials in Russia. // *International Review of Education*, No 49 (3-4), 2003; Neumann I. *Russia and the Idea of Europe: a Study in Identity and International Relations*. London: Routledge, 1996; Ringmar E. The Recognition Game: Soviet Russia Against the West. // *Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association*, Vol. 37 (2), 2002; Armstrong J. The Autonomy of Ethnic Identity: Historic Cleavages and Nationality Relations in the USSR. / *Thinking Theoretically about Soviet Nationalities*. Edited by A. Motyl. New York: Columbia University Press, 1992.

⁷ Алексеева Т.А. Поиск новой парадигмы. / *Политическая наука в России*. Под ред. А.Д. Воскресенского. Москва: МОНФ, 2000; Алексеева Т.А. «Реванш кочевников» или ценностное осмысление глобализации. // *Космополис*. Лето, 2004. – № 2 (4); Торкунов А.В. Российская модель демократии и современное глобальное управление. // *Международные процессы*. Январь-апрель 2006. – Т. 4. – № 1 (10); Мельвиль А.Ю. Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России? / *Внешняя политика и безопасность современной России*. 1991-2002. – Т.1. Москва: РОССПЭН, 2002; Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России. // *Свободная мысль*. – 1996. – № 2; Шестопал А.В. Иберо-американистика. Традиции, тенденции, перспективы. Москва: Издательство МГИМО (У) МИД РФ, 2001; Печатнов В.О. Америко-центристский мир и его последствия для России. // *Вторые горчаковские чтения «Мир и Россия на пороге XXI века»*. Москва: МГИМО (У) МИД РФ, 2000; Картунов А.В. Ветер с Востока или свет с Запада? / *Центрально-Европейский Ежегодник*, 2003. Москва: Логос, 2003; Картунов С.В. Имперские амбиции и национальные интересы. Новые измерения внешней политики России. Москва: МОНФ, 1998; Картунов В.В. Недовольство либерализмом. / *Имитация здравого смысла: очерки по теории мировой культуры*. Москва, 2001; Салмин А.М. Россия, Европа и новый мировой порядок. // *Полис*. – 1999. – № 2; Арбатов А.Г. Российская национальная идея и внешняя политика. Москва: МОНФ, 1998; Баталов Э.Я. О философии международных отношений. Москва: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005; Бусыгина И.М. Территориальный фактор в европейском сознании // *Космополис*. Зима 2002-2003. – № 2;

Среди работ, отражающих проблематику в контексте внутривнутриполитических процессов и проблемы российской модернизации, используются разработки В.В. Согрина, А.С. Ахиезера, А.Г. Володина, В.М. Сергеева.⁸

В рамках социологических подходов изучения политической идентичности рассматриваются исследования В.А. Тишкова, В.И. Пантина, В.В. Лапкина, Г.Г. Дилигенского, Л.Д. Гудкова.⁹

Ценностный аспект проблемы российской идентичности, а также – взаимосвязь феномена политической идентичности с различными политическими идеологиями раскрывается в работах Т.А. Алексеевой, В.А. Кулинченко, А.В. Кулинченко, В.С. Малахова, И.К. Пантина, Ю.С. Пивоварова, Б.Г. Капустина, И.М. Клямкина, Г.Г. Водолазова, М.В. Ильина, О.Ю. Малиновой, А.С. Панарина.¹⁰

Проблематика диссертации находит свое отражение в работах и выступлениях ряда российских политиков и государственных деятелей: М.С. Горбачева, Е.М. Примакова, И.С. Иванова, С.Б. Иванова, С. В. Лаврова, В.В. Путина.¹¹

⁸ Согрин В.В. Политическая история современной России, 1985-2001: от Горбачева до Путина. Москва: ИНФРА-М, Весь мир, 2001; Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск: «Сибирский Хронограф», 1997; Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России (Истоки и современная проблематика). // Полис. – 2000. – № 3; Сергеев В.М. Демократия и региональное неравенство. // Полис. – 2003. – № 5.

⁹ Тишков В.А. Самоопределение российской нации. // Международные процессы. Май-август 2005. – Т. 3. – № 2 (8); Лапкин В.В., Пантин В.И. Запад в Российском общественном мнении: до и после 11 сентября 2001 г. / Запад и западные ценности в российском общественном сознании. Москва: ИМЭМО РАН, 2002; Дилигенский Г.Г. Основные проблемы восприятия россиянами Запада и западных ценностей. / Запад и западные ценности в российском общественном сознании. Москва: ИМЭМО РАН, 2002; Гудков Л.Д. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 гг. Москва: Новое литературное обозрение – «ВЦИОМ – А», 2004.

¹⁰ Алексеева Т.А. Капустин Б.Г., Пантин И.К. Перспективы интегративной идеологии // Полис. – 1997. – № 3; Кулинченко В.А., Кулинченко А.В. О духовно-культурных основаниях модернизации России. // Полис. – 2002. – № 3; Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. Москва: Книжный дом «Университет», 2005; Пивоваров Ю.С. Государство, Русское государство. Русская мысль. / Государство в русской политической мысли. Москва: ИНИОН РАН, 2000; Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян. // Полис. – 1994. – №1; Водолазов Г.Г. Общенациональная идеология как идеология большинства населения. // Полис. – 1997. – № 3; Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. Москва: РОССПЭН, 1997; Малинова О.В. Либерализм и концепт нации. // Полис. – 2003. – № 2. Панарин А.С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? Парадоксы европеизма в современной России. // Вопросы философии. – 1996. – № 10.

¹¹ Горбачев М.С. Нобелевская лекция. Москва: Политиздат, 1991; Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы. / Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. – Т.1. Москва: 2002; Иванов И.С. Внешняя политика России на рубеже XXI века: проблемы формирования, эволюции и преемственности. / Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. – Т.1. Москва: 2002; Ivanov I.S. The New Russian Identity: Innovation and Continuity in Russian Foreign Policy. // The Washington Quarterly, summer, No 24 (3), 2001; Иванов С.Б. О новой редакции Концепции национальной безопасности Российской Федерации. / Лекция С.Б. Иванова в МГИМО (У) МИД России. 14 марта 2000 г., <http://www.rami.ru/publications/2000-03-14/index.html>; Лавров С.В. Россия в глобальной политике // Россия в глобальной политике, <http://www.globalaffairs.ru/articles/5270.html>; Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий. / Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. – Т.1. Москва: РОССПЭН, 2002; Путин В.В.

Цели и задачи исследования.

Цель настоящей диссертации предполагает исследование формирования российской политической идентичности как политического процесса в контексте анализа основных альтернатив и тенденций ее становления в постсоветский период.

Достижение данной цели предполагает решение следующих задач:

- Задать концептуальные рамки понятия политической идентичности через раскрытие его базовых составляющих: определить политическую идентичность как механизм интеграции политического сообщества, как средство маркирования границ политического сообщества и актуализации Другого, как форму интерпретации прошлого сообщества и конструирования его традиций.
- Определить смысловые ограничения понятия политической идентичности, актуальные для контекста исследования, проследить его логическую связь с близкими по смыслу понятиями.
- Выявить характеристики политической идентичности нации-государства современного типа, в том числе, в условиях глобализации и «размывания суверенитета».
- Провести анализ динамики российской политической идентичности в постсоветский период как политического процесса, в контексте политических действий государства (государственных деятелей России) по формированию ее доктринальных оснований.
- В логике трех смысловых блоков понятия политической идентичности, раскрыть содержание российской идентичности и его эволюцию в постсоветский период с точки зрения перспектив функционирования российского политического сообщества как гражданской нации, с точки зрения концептуализации ее места и роли в мире а также – отношения к актуальным Другим, с точки зрения интерпретации прошлого, формирования новых политических традиций и исторической преемственности страны.
- Определить основные тенденции становления политической идентичности России: выявить логику и закономерности этого процесса в постсоветский период.
- Охарактеризовать политическую идентичность России в свете проблем интегрированности российского политического сообщества, места страны в мире, ее отношений с зарубежными странами.

Объектом исследования выступает политическая идентичность России постсоветского периода.

Предметом исследования является процесс формирования политической идентичности постсоветской России и связанные с ним тенденции, детерминированные разнообразными внутривнутриполитическими и внешнеполитическими факторами.

Теоретико-методологические основания исследования:

Диссертация базируется на критическом анализе понятийного и методологического аппарата модернистских теорий идентичности, национализма и национального государства современного типа Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона, Э. Гидденса и других исследователей, с учетом возможностей и ограничений этих теорий, выявленных, такими теоретиками как Э. Смит, Т. Эриксен и др.

Значимая роль в концептуализации понятия политической идентичности отводится нормативным политическим теориям – коммунитаризму (Ч. Тейлор, М. Сэндел и др.) и деонтологическому либерализму (Дж. Роулз). В работе также используются такие теоретические подходы как символический интеррационализм (П. Бергер, Т. Лукман), постструктурализм (М. Фуко), антропологические теории идентичности (Ф. Барт, Б. Малиновский, Л. Уайт и др.), теории международных отношений – конструктивизм и критическая теория МО (А. Вендт, Д. Кэмпбелл, Э. Рингмар и др.), реалистическая теория МО (Г. Моргентау) и др.

В своей совокупности эти теории позволили концептуализировать понятие политической идентичности, сформировать его абстрактную модель исходя из целей и задач исследования.

Методы исследования.

В диссертационной работе использованы различные методы, среди которых могут быть названы:

- Метод построения «исторического понятия» (в том смысле, в котором его использует М. Вебер¹²) – применяется как в процессе концептуализации понятия политической идентичности, построения его абстрактной модели, так и в процессе его использования в исследовании российского случая. Метод подразумевает выявление комплекса связей, черт и характеристик, присущих изучаемому явлению в определенных исторических и культурных условиях. Понятие формируется из отдельных частей, которые берутся как из широкого исторического контекста (эпоха Современности или Модерна), так и из узкого контекста (постсоветский период, период после окончания холодной войны и т.д.). Данный метод, в этом смысле, используется не для выделения «общего» или «конечного» определения понятия политической идентичности, но для его интерпретации, представленной в исторической эволюции.
- Метод кейс-стади подразумевает, что сформированный концепт накладывается на конкретный казус или случай и рассматривается в эмпирическом ключе. Метод кейс-стади позволяет использовать информацию об изучаемом случае, собранную из различных источников, включая нормативно-правовые и доктринальные документы, научные публикации, публикации и выступления ведущих политиков, результаты социологических исследований и т.п.
- Структурно-функциональный метод. Аналитически выделяются структурные элементы политической идентичности, выявляется взаимосвязь между ними, а также – их функциональное наполнение.
- Сравнительно-исторический метод – применяется для анализа процесса становления политической идентичности России в исторической перспективе постсоветского периода, сравнения ее состояний на различных этапах этого периода.

Теоретическая значимость и научная новизна исследования.

Диссертация расширяет представления о сущности политической идентичности и о ключевых характеристиках этого понятия. В исследовании выстраивается оригинальная абстрактная модель понятия политической идентичности: выстраивается особая конфигурация сущностных элементов, составляющих его смысловое ядро, задаются ограничения понятия, определяются отношения с близкими концептами.

¹² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. / Вебер М. Избранные произведения. Москва: Прогресс, 1990. – С. 69.

Исследование вносит вклад в представления о политической идентичности в контексте национального государства современного типа как одной из форм политического сообщества: подвергаются анализу основные теоретические подходы к процессу формирования идентичности национального государства (модернизм и перенниализм), предпринимается попытка найти оптимальный баланс между ними.

При анализе альтернатив политической идентичности, работа выходит за рамки распространенных оппозиций «авторитаризм-демократия», «право-порядок» и др., а также – за рамки привязки идентичности к идеологии той или иной политической партии или силы. Политическая идентичность России рассматривается не в контексте конкуренции идеологий («либерализм-социализм», «либерализм-консерватизм» и др.), но как совокупность принципов и представлений, потенциально значимых для всего общества, служащих предметом актуализации на уровне нормативных и доктринальных документов, а также на уровне практической политики. В этой связи, альтернативы политической идентичности анализируются в логике исторических этапов ее эволюции.

Тенденции становления политической идентичности в России исследуются как производные от политики идентичности государства. В исследованиях российского случая акцент делается на конкретных политических шагах государства по формированию идентичности, а не на его результатах – срезам общественного мнения, изучении политического самосознания граждан и т.д.

Основная гипотеза исследования.

Для России постсоветского периода, несмотря на кризисные явления 1990-х гг., характерно формирование качественно новых координат политической идентичности, которые синтезируют в себе элементы досоветской, советской и постсоветской идентичности. В то же время, эти координаты нуждаются в интегрирующем начале, которое находило бы свое отражение как в массовом сознании, так и на уровне политических доктрин и политики идентичности. В случае России таким началом выступают, прежде всего, ценности патриотизма, а не идеологии каких-либо партий или движений. Учитывая тенденции формирования политической идентичности России в постсоветский период, именно патриотизм представляется наиболее значимой альтернативой политической идентичности страны, наиболее органичным для России нормативным основанием единства государства и его будущего как великой державы.

Основные положения, выносимые на защиту.

- Содержание понятия политической идентичности может быть раскрыто через три составляющие. В рамках первой составляющей политическая идентичность определяется как совокупность политических принципов, служащих нормативным основанием осознания гражданами страны своей политической общности, основанием ответа на вопрос «Кто мы?». В рамках второй составляющей – как совокупность представлений, задающих уникальную сущность конкретного государства через его соотнесение с актуальными Другими в логике оппозиции «Мы-Они», а также – через маркирование границ государства (главным образом, символических). В рамках третьей составляющей – как совокупность представлений о прошлом политического сообщества, об исторических событиях, значимых для граждан страны и осознания ими своей политической общности.
- Политическая идентичность в условиях нации-государства современного типа выступает предметом политики идентичности, то есть целенаправленных действий государства по ее формированию, выполняя функции интеграции политического сообщества, легитимации политического режима, мобилизации граждан. В то же время, целенаправленное конструирование политической идентичности ограничено историческим контекстом, политическими традициями, культурой и другими факторами.
- Формирование политической идентичности России может рассматриваться в логике трех альтернатив, «диалектически» сменяющих друг друга. Первая альтернатива – советская политическая идентичность, кризис которой становится стартовой точкой в становлении новой российской идентичности в постсоветский период. Вторая альтернатива – негативная идентичность – совокупность представлений о новом российском государстве, сформированных в начальный период транзита как в рамках отрицания советской идентичности, так и на основе актуализации некоторых символических компонентов досоветской идентичности. При этом отрицание содержательной стороны советской идентичности не меняет методов политики идентичности, которые по своей сути во многом остаются «советскими». Даная альтернатива характеризуется как негативная идентичность в силу ее недостаточности для полноценной интеграции и легитимации российского государства. Третья альтернатива – синтез новых представлений о российском государстве, которые постепенно накапливались в 1990-е гг. с рядом традиционных

представлений, актуальных для советской и в меньшей степени – для досоветской идентичности.

- В этом свете, тенденции становления политической идентичности имеют следующую логику: кризис советской идентичности, ее эволюция в негативную идентичность на фоне распада СССР и образования нового российского государства, появление координат качественно новой политической идентичности, не отрицающей, но синтезирующей в себе элементы политической идентичности предшествующих эпох.
- Ключевые координаты новой идентичности, отраженные, в доктринальных документах, включают в себя следующие элементы. Представления о России как о единой гражданской нации; представления о стране как о суверенном государстве и великой державе, одном из мировых центров силы; представления о постсоветской России как о преемнице СССР и дореволюционной России. Эти составляющие актуализируются через патриотическую (в противовес идеологической) компоненту интерпретации прошлого страны, понимания ее настоящего и будущего.
- Формирование новой политической идентичности, вместе с тем, нельзя рассматривать как завершенный процесс. Несмотря на ее оформление в доктринах российского государства, выполнение новой идентичностью своих функций стоит перед целым рядом проблем. В контексте представлений о России как о единой гражданской нации – это проблемы утверждения единого культурного, образовательного, символического пространства, укоренение этих представлений в самосознании граждан, без чего невозможно преодоление ксенофобии, локализма, уязвимости страны перед радикальными идеологиями. В контексте представлений о России как о суверенной и великой державе – проблемы «формата» великодержавности (имперский, национально-государственный?), проблемы дальнейшей увязки отношений с внешним миром с задачами модернизации страны. В контексте представлений о России как преемнице СССР и дореволюционной России – проблемы снятия конфликтных, противоречивых представлений в восприятии истории страны, недопущения подмены исторического патриотизма ложным, «фасадным» патриотизмом с одной стороны и радикальным национализмом с другой.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется разработкой концептуального аппарата изучения политической идентичности, на основе которого могут проводиться эмпирические исследования этого феномена и мониторинг его изменений. Разработанный концептуальный аппарат позволяет проводить дальнейшие обобщения эмпирических данных относительно проблематики идентичности, собранных за время существования нового российского государства. Анализ формирования политической идентичности России в постсоветский период может служить одним из источников для подготовки аналитических и экспертных материалов для государственных структур Российской Федерации и российских регионов. Предполагается использование материалов диссертационного исследования в процессе преподавания таких учебных курсов как «Идейно-теоретические основания мирополитического взаимодействия», «Методология социально-политического исследования» и др.

Апробация диссертационного исследования проводилась в рамках участия в конференциях, семинарах и «круглых столах», среди которых могут быть названы 4-й конвент РАМИ, Москва, МГИМО (У) МИД РФ, сентябрь 2006 г.; XX Всемирный конгресс Международной ассоциации политической науки, Фукуока (Япония), июль 2006 г.; конференция «Сибирский регион – Центральная Азия – дальше зарубежье: энергетическое взаимодействие», Москва, МГИМО (У) МИД РФ, декабрь 2005 г.; 50 ассамблея Ассоциации Евро-Атлантического Сотрудничества, Рим, Ассоциация Евро-Атлантического Сотрудничества, декабрь 2004 г.; конференция «Преемственность политической власти в России и перспективы второго срока В.В. Путина», Москва, Российский общественно-политический центр (РОПЦ), май 2004 г.; 3-й конвент РАМИ, Москва, МГИМО (У) МИД РФ, май 2004 г.; конференция «Векторы развития современной России», Москва, МВШСН, апрель 2004 г.; конференция «Безальтернативный выбор России», Москва, РОПЦ, декабрь 2003 г.; конференция «Проблемы самоорганизации и стабильности российского общества», Краснодар, КГУ, ноябрь 2003 г.

Диссертация была обсуждена и одобрена к защите на заседании Кафедры политической теории МГИМО (У) МИД России 5 июня 2006 г.

II. Основное содержание диссертационного исследования.

Структура диссертации определяется задачами исследования, а также — особенностями концептуализации понятия политической идентичности. Задачи исследования условно могут быть разделены на два блока, первый из которых подразумевает формирование абстрактной модели понятия идентичности, а второй — приложение этой модели к исследованию случая постсоветской России. Подобное разделение обуславливает структурирование работы в рамках двух глав.

Само понятие идентичности концептуализируется через три составляющих, которые раскрываются в теоретическом ключе в первой главе и анализируются в контексте российского случая во второй главе. Раскрытию каждой составляющей посвящен отдельный параграф. Исследование, таким образом, состоит из введения, двух глав, состоящих из трех параграфов каждая, заключения и списка источников.

Введение включает в себя постановку исследовательских вопросов и описание проблемной ситуации, осуществляемые в рамках обоснования актуальности темы. Определяется цель исследования, которая конкретизируется через формирование дерева задач. Формулируются предмет и объект работы. Обосновывается методологический аппарат. Выделяются исследовательская гипотеза и основные положения, выносимые на защиту. Характеризуется степень разработанности темы, научная новизна, практическая значимость и направления апробации исследования.

Первая глава — *«Политическая идентичность: концептуализация понятия»* — подразумевает построение концепции понятия политической идентичности, его абстрактной модели. Во введении к главе задаются базовые ограничения понятия политической идентичности, определяемые проблематикой исследования. К таким ограничениям относятся: понимание политической идентичности как коллективной, а не индивидуальной; рассмотрение политической идентичности применительно к нацигосударству современного типа, а не в контексте иных политических сообществ; использование политической идентичности как понятия, логически пересекающегося, но не тождественного понятию национальной идентичности.

Аналитически выделяются три составляющих (кластера), образующих концептуальное ядро понятия. Каждая составляющая раскрывается в отдельном параграфе.

В первом параграфе – «**Политическая идентичность как механизм «воображения» политического сообщества**» – понятие идентичности определяется как совокупность представлений и принципов, служащих основанием политической общности граждан, на основе которых государство «воображается» (используя термин Б. Андерсона) как политическое сообщество. Политическая идентичность приобретает особую значимость в условиях формирования государства современного типа (или государства Модерна). К таким условиям относится, прежде всего, основания суверенитета и легитимности государства эпохи Современности. Если в до-современных государствах в качестве суверена выступает физический носитель (например, монарх), то в современных обществах источником суверенитета становится нация как абстрактная и символическая инстанция. Это означало, что нация-государство могло обеспечить свою легитимность тогда, когда ее члены были тесно взаимосвязаны через общую лояльность политическому сообществу, через осознание этой общности, через принятие общих политических принципов и представлений.

Другое условие, которое определяет значимость политической идентичности для современного государства, заключается в декомпозиции времени и пространства, которые происходят (используя термины Ф. Тенниса) на фоне разрушения органических сообществ (*Gemeinschaft*) и образования «механистического» рационального общества (*Gesellschaft*). Современное общество становится слишком сложным для поддержания единства между своими членами посредством пространственной близости. Альтернативным средством становится «воображение» образа общности. На политическом уровне предметом «воображения» выступает нация или нация-государство как политическое сообщество, а такая черта Современности как рефлексивность делает процесс «воображения» стандартизированным, непрерывным, подчиненным рациональным основаниям.

В этих условиях, политическая идентичность как совокупность представлений о политическом сообществе задает содержание процесса его «воображения». Государство существует как идеальная и духовная целостность до тех пор, пока существуют «воображаемые» политические представления, являющиеся предметом осознания гражданами себя как единого политического сообщества, в пределах которого разделяются общие принципы и убеждения. Именно в этом смысле политическая идентичность выступает как основа и как механизм «воображения» политического сообщества.

Рефлексивность как черта современного государства обуславливает то, что политическая идентичность может выступать предметом рационального конструирования политическими и интеллектуальными элитами для выполнения рациональных функций: сохранения солидарности и лояльности граждан через чувство принадлежности к сообществу, легитимности политического порядка, поддержания ценностных координат политического действия. В то же время, конструирование идентичности имеет определенные «органические» ограничения: культурный и исторический контекст, этнические традиции, религиозные нормы и т.п. К числу ограничений относятся также и конструкты идентичности, которые были созданы в прошлом. Выполняя рациональные функции, политическая идентичность сама по себе является большим, нежели абстрактный рациональный конструкт: она представляет собой смысл и эссенцию общности, часть его политической морали, выходящую за пределы рационального.

Понятие политической идентичности, понимаемое как механизм «воображения» политического сообщества, близко по своему смыслу понятиям политической идеологии и политического самосознания, пересекаясь с ними, но не будучи тождественным им. С понятием идеология политическая идентичность пересекается в том смысле, что она может выступать в качестве нормативной политической доктрины, совокупностью политических представлений и принципов, отраженных в доктринальных документах. Вместе с тем, политическая идентичность государства в значительно меньшей степени является предметом конкуренции, претендуя на единый локус выражения для граждан страны, в отличие от идеологии, которая часто отражает интересы той или иной партии или социального слоя. Мы можем рассматривать множество идеологий, носителями которой являются различные политические акторы (партии, движения, политические лидеры), но одну политическую идентичность потенциально значимую для всех граждан страны.

С понятием политического самосознания идентичность объединяет то, что функции политической идентичности (легитимация политического порядка, интеграция граждан, их политическая мобилизация и др.) не могут быть реализованы не будучи в той или иной степени укорененными в самосознании граждан. Вместе с тем, политическая идентичность не может быть сведена к политическому самосознанию. Ее отличает «проектный» характер, она подразумевает связную логику принципов,

символов, интерпретаций, тогда как самосознание представляется значительно более аморфным феноменом.

Во втором параграфе – «**Политическая идентичность: маркирование границ сообщества и актуализация Другого**» – понятие политической идентичности интерпретируется как совокупность представлений о государстве через его соотнесение с другими сообществами (актуальными Другими) в логике оппозиции «Мы-Они», а также – через маркирование границ государства. Речь при этом идет не только о территориальных границах, но главным образом о границах символических, об укоренных в политических доктринах и в политическом сознании маркерах, задающих основания уникальности данного государства на фоне других государств или сообществ.

Маркирование границ и актуализация Другого является неотъемлемой частью группового поведения уже на ранних стадиях развития людей. В работе этот тезис прослеживается через анализ классических антропологических теорий. Антропологами было выдвинуто предположение о том, что этнокультурные сообщества интегрируются благодаря воспроизводству границ, отделяющих их от других этнокультурных групп. Эти группы рассматриваются в качестве «Других» в силу отсутствия или присутствия тех или иных особенностей. При этом маркеры границ между «Мы» и «Они» имеют не столько географический, сколько символический характер, будучи укорененными в этнической культуре, ритуалах и традициях. Маркирование границ и актуализация Другого приобретают политический смысл в свете интеграции сообщества перед лицом внешних угроз. Одной из функций политического сообщества становится обеспечение военного суверенитета, а политические границы становятся нетождественными границам культурным и этническим.

В условиях Модерна совпадение культурных и политических границ в пределах нации-государства превращается в один из нормативных принципов строительства государств. Подобное совпадение означало вплетение культурных диакритик в политические проекты и их подчинение политическим целям: легитимации политических режимов и мобилизации масс. С распадом органических сообществ и развитием национальных государств, границы приобретают политический смысл, одинаковый для всех граждан. Этот смысл определяется, с одной стороны, тем, что все граждане осознают себя членами одного политического сообщества (одной нации-государства), имеющего более или менее определенные территориальные и

символические границы. С другой стороны, символические границы сообщества, равно как и оно само, превращаются в предмет политического конструирования. В эпоху Современности культурные диакритики и символические границы становятся подчиненными национальному политическому проекту и политическим принципам.

Одной из составляющих процесса формирования политических идентичностей государств современного типа выступает попытка выноса оппозиции «Мы-Они» за пределы границ государства. Для интеграции политического сообщества целесообразной становится репрезентация актуальных Других в виде иных государств или политических сообществ, а не их поиск внутри государства. Если внутри границ государства оппозиция «Мы-Они» представляется как трудность и препятствие для определения общей политической идентичности, то в сфере межгосударственных отношений наличие Другого, наоборот, способствует ее определению и кристаллизации. Через противопоставление другим нациям-государствам подчеркивается уникальность собственного политического сообщества, определяются его национальные интересы и сверхзадачи.

В то же время, прошлое и настоящее мировой политики демонстрируют непрекращающуюся тенденцию к ассимиляции инаковости, будь то ассимиляция в рамках имперских проектов, в рамках либеральных или социалистических проектов или в рамках вестернизации, модернизации или глобализации. Однако успешная ассимиляция Другого как правило приводит не к окончательному синтезу и не к «концу истории», но к очерчиванию новых границ и изобретению нового Другого, без которых собственное политическое Я теряет свой смысл.

В третьем параграфе – **«Политическая идентичность: интерпретация прошлого и конструирование традиций»** – политическая идентичность рассматривается как совокупность представлений о прошлом политического сообщества. Эти представления структурированы в определенной логике и составляют содержание самоопределения государства как коллективного политического Я. Прошлое политического сообщества, в этом смысле, представляет собой содержательный источник политической идентичности, одни элементы которого могут быть актуализированы, а другие, - наоборот оставлены невостребованными. Процесс формирования политической идентичности предполагает, таким образом, особую интерпретацию прошлого политического сообщества, которая, с одной стороны,

подчеркивает его историческую преемственность, а с другой стороны, определяет уникальность его «исторической судьбы».

Интерпретация прошлого ориентирована на достижение конкретных политических целей в настоящем: историческая легитимация национального политического проекта, политическая интеграция, мобилизация масс и т.п. Интерпретация прошлого как составная часть политики идентичности может осуществляться в разнообразных формах и различными методами: формирование и поддержание политических традиций и ритуалов, «официальных» концепций прошлого страны, их репрезентация посредством СМИ и включения в систему образования.

В контексте работы, таким образом, принимается модернистский тезис о том, что политическая идентичность, будучи основана на особой интерпретации истории, может рассматриваться как объект конструирования элит. В то же время, конструирование политической идентичности посредством интерпретации исторического прошлого ограничено традициями, ценностями и установками, которые уже укоренены в обществе, а также установками самих элит. Кроме того, политическая идентичность не может быть сведена к одной формуле или одной интерпретации, которая задана раз и навсегда. Подобная интерпретация рано или поздно опровергается ходом истории и приводит к кризису идентичности.

Вторая глава – *«Эволюция политической идентичности России в постсоветский период»* – сконцентрирована на изучении политической идентичности России постсоветского периода, посредством наложения на исследуемый случай абстрактной модели феномена политической идентичности, сформированной в первой главе.

Во введении к главе политическая идентичность России в постсоветский период определяется как транзитная. В ситуации транзита заложено два условия. Первое – состояние кризиса советской политической идентичности. Второе – необходимость выбора качественно новой, альтернативной концепции общества и государства, базовых принципов и ценностей, на основе которых должна строиться новая политика. Однако рассматривая политическую идентичность постсоветского периода как транзитную, в настоящий момент мы все-таки можем выявить ряд вполне сложившихся тенденций ее формирования и обозначить основные составляющие новой политической идентичности страны.

Первый параграф – «Российская политическая идентичность в постсоветский период: «воображенне» политического сообщества» – раскрывает процесс становления политической идентичности в России как механизма «воображения» политического сообщества. Аналитически в этом процессе могут быть выделены три альтернативы, исторически сменяющие друг друга.

Первая альтернатива – советская политическая идентичность, кризис которой становится стартовой точкой трансформаций идентичности страны. Советская идентичность в значительной степени определялась комплексом социалистических принципов: общность идеологической принадлежности служила ведущим механизмом «воображения» политического сообщества. Эффективное функционирование советской политической идентичности обеспечивалось развитой системой образования, единой экономической системой, разветвленной партийной структурой, которая объединяла все сегменты многосоставного общества в единую систему политико-идеологических координат. В то же время, в советском проекте был заложен целый ряд условий, которые впоследствии сыграли немаловажную роль в дезинтеграции единого государства. Речь идет, прежде всего, об актуализации этнической идентичности, придании понятию нации этнического, а не гражданского смысла, то есть нация рассматривалась не как территориальное сообщество людей, имеющих общие права, но как территориальное политическое сообщество, базирующиеся на общем этническом происхождении. Кризис Коммунистической партии и идеологии в сочетании с развитой этнической идентичностью, прежде всего, в союзных республиках, способствовали кризису общей советской идентичности и распаду СССР.

Новая альтернатива политической идентичности, сформировавшаяся после дезинтеграции СССР, может быть охарактеризована как негативная идентичность, в основе которой лежит отрицание советской идентичности. В бывших республиках СССР негативная идентичность компенсировалась актуализацией этнической идентичности, что создавало благоприятные условия для строительства новых суверенных государств. Однако в России использование этнического ресурса было серьезно ограничено: в отличие от других республик Советского Союза, в нашей стране не сложилось национальной идентичности русского этноса и русской нации. Эта проблема усугублялась ростом этнического национализма в ряде субъектов Российской Федерации, а также – ростом локализма – стремлением территорий к большей

политической и экономической самостоятельности. Подобные условия значительно осложняли попытки формирования общероссийской политической идентичности.

В то же время, в условиях кризиса идентичности появляются предпосылки возникновения новой политической идентичности, имеющей позитивный интегративный потенциал, качественно отличной как от советской идентичности, так и от негативной идентичности первых лет постсоветского периода. В контексте многосоставного российского общества эта идентичность базируется не на этническом национализме, но на политических принципах, которые могут быть охарактеризованы как либеральные. Эти принципы являются либеральными не в смысле идеологии конкретной партии или политической силы, противостоящей другим партиям или политическим силам. Но в смысле их функционирования как правил игры, общих для всех граждан и политических сил. К таким принципам относятся, прежде всего, равенство перед законом независимо от территориальной или этнической принадлежности – единство правового пространства, этнокультурный плюрализм, равное политическое представительство и др. Ключевыми индикаторами утверждения этих принципов стало их отражение в Конституции 1993 г., принятие новых норм регионами страны, а также – основными политическими акторами, включая оппозиционные партии.

Важным индикатором становления новой политической идентичности становится концепция России как гражданской нации, которая отражается на уровне ряда доктринальных документов. Политическое сообщество новой России «воображается» не на основе общности этнического происхождения (что было бы крайне негативно в условиях многосоставности российского государства), но на основе гражданской общности, как «сообщество-демос». Подобное сообщество подразумевает как равенство прав и свобод всех граждан, так и право свободного развития этнических групп, в том числе и в политической форме. Этническому патриотизму противопоставляется общенациональный, гражданский патриотизм.

Вместе с тем, несмотря на целый ряд позитивных тенденций, трудно ожидать, что в условиях недавнего кризиса всего общества новая политическая идентичность как коллективное представление о едином государстве и принципах, на основе которых оно существует, в течение короткого временного отрезка утвердится в самосознании граждан. Новая политическая идентичность в этом смысле все еще стоит перед

вызовами этнического национализма, ксенофобии, локализма и других явлений, хотя эти вызовы и стали менее острыми по сравнению с периодом начала транзита.

Второй параграф – «Российская политическая идентичность в постсоветский период: альтернативный Другой и новые границы» – концентрируется на исследовании формирования политической идентичности России как совокупности представлений о ее месте и роли в мире, об ее отношении к актуальным Другим (прежде всего к западному сообществу) в условиях новой конфигурации ее границ. Этот процесс также рассматривается в логике трех альтернатив политической идентичности, исторически сменяющих друг друга.

Первая альтернатива – версия идентичности, сформировавшаяся к середине 1980-х гг. С позиций представлений об актуальном Другом она базировалась на противопоставлении социалистического сообщества, включавшего Советский Союз и государства сателлиты, сообществу западных государств, которое выражалось как в конкуренции политических проектов, так и в форме конкуренции экономических систем, технологий, вооружений и т.п. Советский Союз в этом смысле формировал политическую идентичность сверхдержавы, способной противостоять наиболее развитым государствам мира, в том числе США, выступающей лидером в ряде технологических отраслей, идущей по более справедливому пути развития.

Однако к концу 1980-х гг. между статусом СССР как сверхдержавы с одной стороны, и его экономическим потенциалом с другой обозначается противоречие, что создает предпосылки для появления альтернативной версии политической идентичности, которая в значительной степени отражалась в концепциях «нового внешнеполитического мышления», «общего европейского дома» и др. Новая версия идентичности подразумевала изменение отношения страны к западному сообществу как к актуальному Другому. Это изменение происходило в логике признания западного сообщества как более успешного, отказ от роли глобального военного конкурента Запада, признания необходимости модернизации страны через интеграцию в сообщество «развитых» государств, перенаправление ресурсов на внутреннее развитие страны. Подобное изменение координат политической идентичности сопровождается масштабным сокращением внешнеполитического влияния СССР, невмешательством в распад ОВД и беспрецедентным изменением границ страны после распада СССР. В первые постсоветские годы в российской политической идентичности также

преобладают координаты «нового внешнеполитического мышления», что отражается, в том числе, в Концепции внешней политики России 1993 г.

Формирование альтернативы, качественно отличной как от советской идентичности, так и от «нового внешнеполитического мышления», происходит в конце 1990-х гг. и окончательно закрепляется в 2000 г. после появления новой Концепции внешней политики России, Концепции национальной безопасности России и других доктринальных документов. Ее появление в значительной степени определяется разочарованием в «новом внешнеполитическом мышлении» и его ненамеренных последствиях, включая расширение НАТО на Восток, ограниченную интеграцию России в мировую экономику, возникновение новых символических границ между Россией и западным сообществом, их перенесение на Восток, вместо их нивелирования. С другой стороны, новая версия политической идентичности появляется на фоне признания ведущими государственными деятелями страны того, что она не может строиться на основе монополии тех или иных идеологических доктрин, но должна определяться национальными интересами страны.

Новая альтернатива включает в себя следующие смысловые блоки и раскрывает следующие тенденции становления политической идентичности с точки зрения отношения страны к актуальным Другим.

В доктринальных документах и в публикациях государственных деятелей выделяется тенденция отказа от видения места страны в мире как в логике биполярной, так и в логике однополярной системы. Индикатором в данном случае выступает принятие в доктринальных документах тезиса о многополярности мира и места России в нем как одной из великих держав, одного из полюсов силы, который на равных взаимодействует с другими полюсами. Происходит конкретизация видения России как великой державы в рамках концепции «глобальной энергетической державы», которая становится качественно новым дополнением к атрибутам великой державы, унаследованных от СССР – ядерного потенциала, места в СБ ООН и т.п.

Отмечается отказ как от глобальной конкуренции с Западом, так и от односторонних политических уступок. Отношения России с Западом, с одной стороны, подчиняются потребностям российской модернизации (переговоры об облегчении визового режима, энергетическое сотрудничество, и т.п.), а с другой – потребностям российской военной и экономической безопасности (противодействие расширению влияния НАТО на постсоветском пространстве, диверсификация рынков сбыта

энергоносителей и т.п.). В целом в структуре идентичности прослеживается попытка избежать «выбора» в логике Запад-Восток в силу значимости страны как на Западе, так и на Востоке. Запад остается актуальным Другим для России, будучи образцом для модернизации страны, однако не менее значимым Другим для России становятся страны АТР, прежде всего, Китай. Попытки определения миссии России в мире определяются преимущественно в терминах цивилизационного посредника между Западом и Востоком, в терминах значимости России в решении глобальных проблем, включая проблему терроризма и энергетической безопасности.

В целом, новая политическая идентичность с точки зрения маркирования границ и отношения Я-Другой приобретает все более стабильный характер, демонстрируя тенденцию к закреплению своей базовой конфигурации. Эта конфигурация представляет собой синтез элементов политической идентичности, которые могут определяться как «сквозные», (то есть характерные как для новой России, так и ее исторических предшественников, прежде всего СССР) и элементов, определяемых современными условиями, включая глобальные проблемы развития и безопасности, появление новых центров силы и др.

Третий параграф – **«Российская политическая идентичность в постсоветский период: ре-интерпретация прошлого и конструирование новых традиций»** – раскрывает процесс формирования политической идентичности в постсоветский период с точки зрения изменений интерпретации прошлого страны, ее политических традиций, а также – логики определения преемственности между новой Россией и ее предшественниками – СССР и Россией дореволюционного периода. Как и в предыдущих параграфах, этот процесс изучается в рамках трех альтернатив, последовательно сменяющих друг друга.

Советская политическая идентичность, как исходная альтернатива, представляла собой целостную и логически непротиворечивую систему интерпретации прошлого страны. Эта система получала свое выражение в научном и политическом дискурсе, в системе образования всех уровней, в СМИ, в массовой культуре, включая кинематограф, монументах и памятниках, в государственных праздниках и политических традициях. Она обладала рядом особенностей, среди которых следует назвать следующие.

Во-первых, актуализация идеологической компоненты и ее представление в исторической перспективе. Идеологическая компонента превратилась в значимый

критерий оценки тех или иных событий прошлого страны, задавая понятийный и концептуальный аппарат их интерпретаций. Идеологические мотивы приобретают доминирующую роль в визуализации социалистического проекта как исторической миссии.

Во-вторых, актуализация патриотических элементов – событий в истории страны (дореволюционного и послереволюционного периода), которые способствовали укреплению государственности, расширению границ, отражению внешних агрессий, модернизации и прогрессу в различных сферах.

Вместе с тем, в интерпретации прошлого оставался целый ряд событий, которые не акцентировались на уровне политики идентичности: например, сталинский период в истории страны. С попытки восстановления этих аспектов в период перестройки начинается кризис советской идентичности как интерпретации прошлого. Развитие этого кризиса сопровождается расширением спектра исторических событий, которые подвергаются ре-интерпретации. Негативная переоценка Октябрьской революции подрывает основы советской идентичности, и выступает центральной составляющей негативной политической идентичности, пик развития которой приходится на 1990-1991 гг. В РСФСР формирование негативной идентичности, с точки зрения оценки прошлого, дополняется идеализацией России царского периода, представление этого периода как естественного и нормального существования страны, который был нарушен революцией, «социалистическим экспериментом», чуждой стране идеологией.

В то же время, негативная идентичность не могла служить достаточной компенсацией потери устоявшейся советской идентичности, существовавшей на протяжении долгого времени. В стране не сразу появляется новая «позитивная» политическая идентичность, предполагающая альтернативный подход к интерпретации прошлого и соответствующий этим интерпретациям ряд символов, мифов, традиций, элементов праздничной культуры и т.п. Новая политическая идентичность не сразу укореняется в самосознании граждан страны, но ее утверждение пропорционально увеличению временного разрыва с советским периодом. Ее эволюция в относительно целостную систему позитивных интерпретаций сопровождается длительным кризисом и хронологически происходит лишь к началу 2000 гг.

Вместе с тем диссонанс в восприятии прошлого страны был значительно смягчен тем, что смена интерпретаций прошлого, при всей своей значимости и радикальности, не носила абсолютного характера. Новая российская идентичность, в том виде, в

котором она сформировалась к 2000 г. унаследовала значительную часть элементов идентичности советской.

В этом состоит одна из ключевых тенденций трансформации политической идентичности России с точки зрения интерпретаций прошлого. Новая идентичность достаточно быстро лишилась идеологического наполнения, присущего советской идентичности. Однако патриотическая компонента советской идентичности сохранилась практически неизменной, и более того, усилила свою значимость. Именно через патриотическую компоненту образуется связь и преемственность между новой российской идентичностью и идентичностью, сформировавшейся в советский период. Тенденция к отказу от отрицания советского прошлого, к попыткам найти значимые точки преемственности с ним определяются к концу 1990-х гг.

Развитие этой тенденции совпадает с тенденцией формирования в России гражданской нации с одной стороны, и пересмотра места России в мире и ее отношения к актуальным Другим с другой. Если в начале трансформаций миф о наследии советского прошлого носил преимущественно негативный характер, то к началу 2000 г. этот вектор существенно изменяет свое направление, встраиваясь в логику возрождения патриотической компоненты. Достижения советского периода репрезентируются уже не как достижения социалистического проекта, но как достижения российской нации.

Политическая идентичность страны, таким образом, приобретает симбиоз новых российских и советских интерпретаций прошлого, но все эти элементы подчеркивают национальную и патриотическую компоненты, преемственность со всеми историческими этапами развития государства, а не какие-либо идеологические составляющие. Эта тенденция прослеживается на уровне изменений символического ряда, праздничной культуры, традиций, содержания учебников истории. В настоящее время подобная преемственность устанавливается уже с постсоветским периодом.

В Заключении формулируются основные выводы диссертационного исследования в виде положений, выносимых на защиту.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

- «Мыслящий избиратель» в условиях многопартийной системы. // Вестник Санкт-Петербургского Университета. – 2001. Выпуск 1. – № 6 (март). В соавторстве. (0,7 печатного листа).

- Российский и польский либерализм XX в. Сравнительный анализ. / Россия и Польша: мост в XXI век. / Сост. В.В. Михайленко и С. Петрович. Санкт-Петербург: издательство «Астерион», 2001. (0,5 печатных листа).
- Коллективная идентичность как объект политической теории: концептуальный анализ. / Актуальные проблемы политической теории. Выпуск 2. Под редакцией Т.А. Алексеевой. Москва: Издательство МГИМО (У) МИД РФ, 2005. (1,4 печатных листа).
- Концепция национального развития и политическая идентичность России: роль нефтегазового фактора. / Сибирский регион - Центральная Азия – дальнее зарубежье: энергетическое взаимодействие. Москва: Издательство МГИМО (У) МИД РФ, 2006. В печати. (0,8 печатных листа).
- Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции / Материалы Четвертого Всероссийского Конгресса Политологов «Демократия, безопасность и эффективное управление: новые вызовы для политической науки». В печати. (0,5 печатных листа).

Принято к исполнению 31/08/2006
Исполнено 01/09/2006

Заказ № 568
Тираж: 100 экз.

ООО «11-й ФОРМАТ» ИНН 7726330900
Москва, Варшавское ш., 36
(495) 975-78-56
(495) 747-64-70
www.autoreferat.ru